

Гендерные различия в атрибуции вины участникам типичного и нетипичного супружеского насилия

Улыбина Е.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com*

Аббасова С.Э.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1252-9986>, e-mail: sara.abbasova09@gmail.com*

Цель. Анализ гендерных различий в атрибуции вины агрессору и жертве супружеского насилия в зависимости от пола жертвы и агрессора.

Контекст и актуальность. Исследования супружеской агрессии показывают, что агрессия мужчины по отношению к женщине воспринимается как типичная агрессия, атрибуция вины жене-жертве прямо связана с верой в справедливый мир (ВСМ), а мужу-агрессору приписывается большая вина, чем жене-агрессору. Связь атрибуции вины мужу-жертве с ВСМ и соотношение атрибуции вины мужу-жертве с атрибуцией вины жене-жертве в зависимости от пола респондентов изучена недостаточно.

Дизайн исследования. Оценивались: 1) корреляция атрибуции вины участникам типичной и нетипичной ситуации насилия по выборке в целом и отдельно у мужчин и женщин; 2) различия в уровне атрибуции вины участникам своей и противоположной гендерной группы методом дисперсионного анализа.

Участники. 1157 человек, из них 679 женщин, от 18 до 66 лет.

Методы (инструменты). В анкету входили опросник ВСМ и вьетка с описанием ситуации супружеского насилия в разнополых парах, пол жертвы варьировался.

Результаты. Аtribuция вины жене-жертве прямо связана с ВСМ только у женщин, у мужчин связь вины жены-жертвы с ВСМ обратная. Большая вина представителю своей гендерной группы приписывается только при оценке типичных жертвы и агрессора.

Основные выводы. Результаты позволяют говорить, что атрибуция вины жертве и гендерный фаворитизм проявляются только при возможности идентификации с позицией жертвы.

Ключевые слова: вера в справедливый мир, супружеское насилие, гендерный фаворитизм, атрибуция вины жертве, атрибуция вины агрессору.

Для цитаты: Улыбина Е.В., Аббасова С.Э. Гендерные различия в атрибуции вины участникам типичного и нетипичного супружеского насилия // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 51–69. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110304>

Gender Differences in Attribution of Guilt to the Participants of Typical and Atypical Marital Violence Scenarios

Elena V. Ulybina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Sara E. Abbasova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1252-9986>, e-mail: sara.abbasova09@gmail.com

Objectives. *Analysis of gender differences in attribution of guilt to the aggressor and the victim of spousal violence, depending on the victim's and the aggressor's gender.*

Background. *Studies of spousal aggression show that a man's aggression towards a woman is perceived as typical aggression, attribution of guilt to the victim-wife is directly related to the faith in a just world and the aggressor-husband is attributed more guilt than the aggressor-wife. The connection of the attribution of guilt to the victim-husband with faith in a just world and the correlation between the attribution of guilt to the victim-husband and the attribution of guilt to the victim-wife, depending on the gender of the respondents, has not been sufficiently studied.*

Study design. *We evaluated 1) correlation of attribution of guilt to participants in a typical and atypical situation of violence through the sample as a whole and separately for men and women, and 2) differences in the level of attribution of guilt to participants in their own and opposite gender group using the method of variance analysis.*

Participants. *1,157 people, including 679 women, aged 18 to 66.*

Measurements. *The questionnaire included a survey form «Faith in a just world» (Dalbert C.) and a vignette describing the situation of marital violence in different-sex couples, the gender of the victim varied.*

Results. *The attribution of guilt to the victim-wife is directly related to faith in a just world only among women; the connection of the victim-wife's guilt with faith in a just world is reversed among men. Much guilt for a representative of its gender group is only shown when assessing the typical victim and aggressor.*

Conclusions. *The results suggest that attribution of guilt to the victim and gender favoritism are only shown in case of the possibility of identification with the victim's position.*

Keywords: *belief in a just world, gender favoritism, marital violence, attribution of guilt to the victim, attribution of guilt to the aggressor.*

For citation: Ulybina E.V., Abbasova S.E. Gender Differences in Attribution of Guilt to the Participants of Typical and Atypical Marital Violence Scenarios. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 51–69. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110304> (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Физическое насилие по отношению к интимному партнеру (далее — супружеское насилие) относится к числу важнейших социальных проблем.

Жертвами супружеского насилия становятся и женщины, и мужчины [1; 2; 3; 4; 7; 9; 13; 20; 44; 62; 63], но отношение к мужчинам-жертвам и женщинам-жертвам в этом случае различно, что, в частности, связано и с оценкой частотности

различных ситуаций супружеского насилия.

В западных исследованиях проблема особенностей отношения к мужчинам-жертвам и соотношения мужского и женского супружеского насилия обсуждается с конца прошлого века, есть работы, утверждающие идею гендерной симметрии в супружеском насилии [21; 44; 62; 63], и есть те, кто с этим не согласен [12; 13; 20; 27; 55]. Статистические данные относительно различий в распространенности насилия мужей против жен и жен против мужей, полученные на отечественной выборке, противоречивы. Так, в репрезентативном социологическом исследовании 2003 года получены данные о том, что почти две трети женщин и половина мужчин знакомы с семьями, в которых муж хотя бы однажды ударил жену, а со случаями, когда жена первая ударила мужа, сталкивалась только треть опрошенных, на основе чего авторы сделали вывод о преобладании мужской агрессии в семьях [1, с. 45]. Однако результаты анализа самоотчетов респондентов о пережитом и совершенном насилии в отношении интимного партнера, полученные в 2013 году, показывают, что гендерные различия в уровне агрессии не значимы [4]. Отмеченные противоречия могут быть связаны как с изменившимися реалиями, так и с различиями в формулировках вопросов, так как респонденты могли не знать о характере насилия в других семьях, о чем спрашивали в работе 2003 года, но давать достоверные ответы о собственном опыте. Сложность анализа определяется в том числе и высокой латентностью такого рода преступлений, тем, что жертвы обоего пола далеко не всегда обращаются за помощью и не сообщают о преступлении [1; 2; 3; 9; 10], хотя, согласно данным официальной уголовной статистики, для супружеских

убийств соотношение между убитыми мужьями и женами приближается к показателю один к одному [9, с. 102].

Изучение фактического положения дел в супружеском насилии лежит в области дальнейших, более глубоких и более детальных социологических исследований. В рамках данной работы важно отметить сам факт существования женской агрессии в супружеских отношениях, сложность вопроса о фактическом соотношении мужского и женского насилия и выраженное различие в отношении к мужской и женской агрессии. Проблема супружеского насилия часто формулируется как «проблема женщин» или «проблема насилия в отношении женщин», в результате чего мужчины-жертвы воспринимаются с недоверием, им сложнее обращаться за помощью и получать помощь [28], а насилие мужчин против женщин, даже при равенстве последствий, оценивается более строго [29; 61]. Искажение восприятия супружеского насилия в зависимости от пола жертвы распространено весьма широко. Так, в работе Дж. Уокера и коллег [69] на материале анализа фокус-группы аспиранток, будущих судебных психологов, показано, что участницы, оценивая виньетки, рассказывающие о ситуациях насилия по отношению к интимным партнерам, намеренно изложенных без указания пола партнеров, интерпретировали ситуации как исключительно ситуации агрессии мужчин по отношению к женщинам. При дальнейшем обсуждении они оценивали агрессию женщин по отношению к мужчинам как менее серьезную и направленную на самооборону. Эти данные показывают, что даже будущие специалисты, вероятно, знакомые с разными точками зрения на соотношение мужского и женского насилия в семье, склонны видеть в супружеском

насилия прежде всего женскую проблему. Существующее смещение в восприятии супружеского насилия представляет собой значимую проблему, препятствующую и изучению насилия, и оказанию помощи жертвам [19; 59]. Вместе с тем восприятие и оценка жертв и агрессоров окружающими имеют первостепенное значение и для предотвращения подобных преступлений, и для последующей помощи жертвам [1; 8; 23; 57; 66; 70].

Отношение наблюдателей к жертве и агрессору определяется множеством факторов, одним из которых выступает стремление сохранить непротиворечивый образ справедливого мира. Однако когда речь идет о вине представителя своей группы, то при оценке вины участников действует принцип группового фаворитизма, и члена своей группы обвиняют меньше, чем члена другой группы.

Вера в справедливый мир и обвинение жертвы

Как показали эксперименты М. Лернера [47], людям важно сохранять веру в справедливое устройство реальности, а так как незаслуженные страдания противоречат принципу справедливости, то для его сохранения вина за происшедшее возлагается на жертву. Последующие многочисленные исследования подтвердили существование этой тенденции [см., в частности, 31; 33; 34], показав ее роль в приспособлении к среде. Представление о том, что мир предсказуем и в нем существуют правила — это полезная иллюзия [67], которая дает ощущение возможности контролировать происходящее и прямо связана с интернальностью [15; 30], что позволяет рассматривать ВСМ как неотъемлемую часть нормального развития человека и важную адаптивную установку, «в соответствии с которой люди убеждены в том, что мир устроен

упорядоченно и корректно, представляет собой такое место, где каждый человек в конечном итоге получает то, что заслуживает: и награды, и наказания» [6, с. 18]. Люди с высоким уровнем ВСМ оценивают мир как хороший и правильный и стремятся к сохранению существующего положения вещей [32], что достигается как положительной оценкой актуальной реальности, так и отрицанием существующих несовершенств. Для поддержания этой полезной иллюзии люди не только приписывают вину жертвам, рационализируя несправедливость и отрицая существующую дискриминацию, например, по возрасту [49], но и не замечают собственной дискриминации [22].

Связь показателей ВСМ с отношением к жертвам супружеского насилия представляет особый интерес в силу распространенности ситуаций и зачастую терпимости жертв к агрессии партнера. Однако при достаточной изученности вопроса об отношении к жертве связь ВСМ с атрибуцией вины жертвам супружеского насилия остается изученной недостаточно, а имеющиеся данные носят противоречивый характер. Так, в исследовании К. Кристиансен и Р. Джульетти [45], проведенном на студентах, показан слабый вклад ВСМ в атрибуцию вины женщине-жертве насилия со стороны интимного партнера-мужчины. А согласно данным И. Валор-Сегуры и коллег [68], ВСМ и сексизм вносят больший вклад в обвинение жертвы, чем пол, и ВСМ прямо связана с атрибуцией вины жертве. В исследовании И. Коррейи и коллег [23], включавшем только женщин-респондентов, выявлена значимая прямая связь ВСМ с атрибуцией вины женщине-жертве, а в более ранней статье Р. Шуллер и коллег [57] показано, что только у женщин ВСМ прямо связана с обвинением женщины-жертвы

домашнего насилия, обвиняемой в убийстве мужа при самообороне.

Структура ВСМ неоднородна, и в ней выделяют в том числе два связанных между собой, но выполняющих несколько разные функции фактора — веру в справедливость мира для себя лично (ЛС) и веру в общую справедливость для всех (ОС) [26; 48]. ЛС обеспечивает позитивное самовосприятие, прямо связана с внутренним локусом контроля и не связана с обвинением людей, находящихся в неблагоприятных обстоятельствах [16; 17; 64].

Но люди, уверенные, что происходящее с ними лично — это результат их собственных действий, могут приписывать вину жертве, если жертва на них похожа. Так, у женщин с высокой степенью идентификации с группой женщин ЛС прямо связана с оправданием супружеского насилия по отношению к женам, а при низкой идентификации с группой женщин эта связь не значима [24]. Если жертва воспринимается другими женщинами как похожая, то, возлагая на нее ответственность за насилие, женщины избегают ощущения невозможности влиять на происходящее. А ОС активизируется при оценке внешних событий и работает на сохранение непротиворечивого, предсказуемого образа социальной реальности, что и проявляется в слабом альтруизме, более строгом отношении к преступникам и большей атрибуции вины тем, кто находится в неблагоприятных обстоятельствах [16; 17; 64].

Вклад сходства с жертвой в отношение к жертве

Согласно теории ВСМ [47], невиновность жертвы из группы идентичности в большей степени угрожает образу справедливого мира, чем невиновность жертвы из другой группы, что должно приводить к большему обвинению похо-

жей жертвы, чем непохожей. Но, как показывают исследования, принадлежность жертвы к своей группе сама по себе не повышает приписанную ей вину, а согласно имеющимся данным [14; 24], вина непохожей жертвы оценивается выше, чем вина похожей. Меньшая атрибуция вины похожей жертве соответствует теории защитной атрибуции [60], согласно которой респонденты уменьшают вину жертвы, если есть риск оказаться на ее месте.

Гендерные различия в атрибуции вины жертве и агрессору

Анализ результатов исследований, посвященных изучению гендерных различий в атрибуции вины в ситуации межгендерного конфликта, показывает, что при оценке женщин-жертв супружеского насилия или агрессии со стороны интимного партнера женщины приписывают женщинам-жертвам меньшую вину, чем мужчинам [18; 29; 35; 36; 46; 51; 52; 59; 65; 68; 70; 71], что соответствует теории защитной атрибуции. Гендерные различия в отношении к мужчине-агрессору изучены меньше. В некоторых исследованиях женщины в соответствии с гендерным фаворитизмом приписывали мужчине-агрессору большую вину, чем мужчинам [51; 54], но в некоторых работах мужчины и женщины не различались в атрибуции вины мужчине-агрессору [18].

Слабо изучены и различия отношений к мужчинам-жертвам в зависимости от пола респондентов. Так, в некоторых исследованиях получены данные о том, что женщины больше сочувствуют жертве, чем мужчины, независимо от пола жертвы, и приписывают мужчинам и женщинам-жертвам равную вину [36; 54; 59; 65]. Р. Харрис и С. Кук [36] объясняют этот эффект более зависимым, более уязвимым положением женщин вообще и, как следствие, большей иден-

тификацией женщин с позицией жертвы, а мужчин — с позицией агрессора вследствие действия гендерных стереотипов. Но в других исследованиях этот эффект не воспроизводится — оценка жертвы происходит на основе гендерного фаворитизма, и женщины приписывают женщине-жертве меньшую вину, чем мужчине-жертве [18; 72]. И, как показывают имеющиеся исследования, гендерный фаворитизм не проявляется в атрибуции вины женщине-агрессору [29].

Исследования, предметом которых были различия в отношении к агрессору в зависимости от пола агрессора, показали, что в большинстве случаев [29; 35; 53; 58; 59; 61; 65] мужчинам-агрессорам приписывается большая вина, чем женщинам-агрессорам, а последствия агрессии мужчин по отношению к женщинам воспринимаются как более тяжелые и опасные [11]. Ш. Хамби и Э. Джексон [35] показали, что это смещение объясняется разницей в физических размерах и физической силе мужчин и женщин, и более сильному партнеру, способному причинить больший вред, приписывается и большая вина.

Однако работы, посвященные изучению отношения к агрессору и жертве супружеского насилия, проводились на разных выборках, в фокусе внимания исследователей во многих случаях было влияние ситуативных факторов — алкогольного опьянения персонажей, их семейного статуса, особенностей поведения и пр. — на множество отдельных показателей — степени ответственности, уровня тяжести последствий, серьезности преступления, необходимости обращения в полицию, уровня сочувствия к каждому и пр., что затрудняет сравнительный анализ.

Вместе с тем имеющиеся данные показывают, что ситуация супружеской

агрессии в гетеросексуальных парах несимметрична по частотности обсуждения и особенностям восприятия — агрессия мужчин против женщин обсуждается чаще, жена-жертва в силу сложившихся гендерных стереотипов воспринимается как «типичная жертва», а мужчина в силу стереотипов и в среднем большей физической силы — как типичный агрессор [59], и социальные нормы в отношении насилия женщин против мужчин менее ясны, чем нормы в отношении насилия мужчин против женщин [61].

А так как выявленные эффекты восприятия агрессора и жертвы супружеского насилия, состоящие в прямой связи обвинения жертвы с уровнем ВСМ и групповым фаворитизмом при атрибуции вины жертве, в большей степени характеризуют отношение к участникам типичной ситуации, чем к участникам нетипичной ситуации, то можно предположить, что сложившиеся схемы восприятия и оценки агрессии мужей против жен не актуализируются при оценке ситуации агрессии жен против мужей. Это предположение может быть конкретизировано в двух общих гипотезах.

1 общая гипотеза

Так как обвинение жертвы направлено на поддержание образа предсказуемого, управляемого мира, то можно предположить, что типичная жертва в большей степени угрожает иллюзии справедливости, чем нетипичная жертва, и необходимость в поддержании иллюзии справедливости возникает только при оценке вины жены-жертвы агрессии со стороны мужа как «типичной жертвы», из этого следует, что:

1) атрибуция вины жене-жертве прямо связана с ОС независимо от пола респондентов и с ЛС у женщин;

2) атрибуция вины мужу-жертве не связана с показателями ВСМ независимо от пола респондентов;

3) вина агрессора не связана ни с ОС, ни с ЛС независимо от пола респондентов и пола жертвы.

2 общая гипотеза

Так как групповой фаворитизм проявляется в более благосклонном отношении к группе идентичности, а отождествление с персонажами нетипичной ситуации менее вероятно, то можно предположить, что гендерный фаворитизм проявляется при оценке персонажей типичной ситуации, и не проявляется при атрибуции вины персонажам нетипичной ситуации, следовательно:

1) при оценке ситуации агрессии мужа по отношению к жене мужчины приписывают агрессору меньшую, а жертве большую вину, чем женщины, а при оценке ситуации агрессии жены против мужа мужчины и женщины не различаются в уровне атрибуции вины агрессору и жертве;

2) женщины приписывают мужу-агрессору большую вину, чем жене-агрессору, и равную вину мужу и жене в позиции жертвы;

3) мужчины приписывают жене-жертве большую вину, чем мужу-жертве, и равную вину жене- и мужу-агрессорам.

Выборка и методы исследования

Респонденты (1157 человек, 679 женщин, от 18 до 66 лет, $M=43,55$), из них 739 — с высшим образованием, 121 — с незаконченным высшим, 46 студентов, 212 — со средним образованием и 41 имеющих ученую степень, заполняли гугл-форму, включающую в себя шкалы

«Вера в справедливый мир» и «Вера в личную справедливость» [5], представляющие собой перевод и адаптацию шкалы К. Дальберт [25]. Опросник состоит из 13 утверждений, 7 из которых составляют шкалу ЛС, примеры утверждений: «Как правило, жизнь ко мне справедлива», «Я верю, что обычно получаю то, что заслуживаю», а 6 — шкалу ОС, примеры утверждений: «Я считаю, что, по большому счету, люди получают то, что заслуживают», «Я уверен, что справедливость всегда побеждает несправедливость». Согласие с утверждениями оценивается по 7-балльной шкале.

Для измерения атрибуции вины жертве и агрессору в ситуации супружеского насилия использовалась виньетка с описанием ситуации физической агрессии одного партнера по отношению к другому:

«А. и П. женаты три года. Однажды на вечеринке муж П. приревновал жену к знакомому, с которым та танцевала, и когда они пришли домой, стал обвинять ее в легкомысленном поведении. Жена А. возражала, завязалась ссора, муж не сдержался, ударил ее, А. упала, ударилась о косяк двери и разбила лоб до крови».

В одной форме виньетки агрессором был муж, а жертвой жена, в другой — агрессором была жена, а жертвой муж. Участников просили оценить виновность жены и мужа по 7-балльной шкале. В половине случаев анкета начиналась с опросника, а в другой половине — с виньетки.

Результаты

Описательная статистика возраста и показателей ЛС и ОС у мужчин и женщин представлена в табл. 1.

Мужчины значимо старше женщин, у них выше уровень ЛС, различия в уровне ОС отсутствуют.

В табл. 2 представлены средние и стандартные отклонения атрибуции вины участникам конфликта женщинами и мужчинами. Ни в целом по выборке, ни в подвыборках мужчин и женщин атрибуция вины жене и мужу ни в целом, ни в зависимости от позиции в конфликте не имеют нормального распределения.

Для проверки гипотезы о связи атрибуции вины жертве и агрессору с показателями ВСМ был использован метод непараметрической корреляции Спирмена. Анализ результатов показал, что у женщин атрибуция вины жене-жертве прямо связана с ОС ($r=0,160$, $p=0,004$) и ЛС ($r=0,206$, $p=0,000$). Вина мужа-агрессора, жены-агрессора и мужа-жертвы с показателями ВСМ не связана. В подвыборке мужчин вина жены-жертвы обратно связана с ОС ($r=-0,198$, $p=0,001$) и с ЛС ($r=-0,201$, $p=0,001$), вина мужа-агрессора обратно связана с ОС ($r=-0,142$, $p=0,022$). Вина му-

жа-жертвы и жены-агрессора не имеет значимых связей с показателями ВСМ.

Для проверки гипотезы о проявлении гендерного фаворитизма в отношении типичных и нетипичных персонажей был использован дисперсионный анализ.

В подвыборке, оценивающей ситуацию мужа-агрессора и жены-жертвы, мужчины приписывают значимо большую вину жертве, чем женщины ($F=9,392$, $\eta=0,014$, $p=0,002$), а агрессору – значимо меньшую, чем женщины ($F=21,875$, $\eta=0,033$, $p=0,000$). Но в подвыборке, оценивающей ситуацию жены-агрессора и мужа-жертвы, мужчины и женщины не различаются в атрибуции вины мужу и жене.

В подвыборке женщин вина жертвы в зависимости от пола жертвы не имеет значимых различий, но мужу-агрессору приписывается значимо большая вина, чем жене-агрессору ($F=41,132$, $\eta=0,060$, $p=0,000$). В подвыборке мужчин жене-жертве приписывается большая вина, чем мужу-жертве ($F=6,371$, $\eta=0,013$,

Таблица 1
Распределение возраста и показателей ВСМ у мужчин и женщин

	женщины		мужчины		t-value	p	Альфа Кронбаха
	Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.			
Возраст	42,806	10,168	44,619	10,011	-3,007	0,003	
ЛС	34,722	9,152	35,837	8,448	-2,106	0,035	0,891
ОС	24,084	8,175	24,529	7,957	-0,922	0,356	0,809

Таблица 2
Значения атрибуции вины мужу и жене в зависимости от позиции в конфликте и пола респондентов

Пол респондентов	Вина жертвы			Вина агрессора		
		Mean	Std.Dev.		Mean	Std.Dev.
Женщины	Жена-жертва	3,195	1,806	Муж-агрессор	6,084	1,258
	Муж-жертва	3,309	1,688	Жена-агрессор	5,372	1,527
Мужчины	Жена-жертва	3,659	2,008	Муж-агрессор	5,558	1,600
	Муж-жертва	3,214	1,817	Жена-агрессор	5,518	1,425

$p=0,012$), а вина агрессора в зависимости от пола агрессора не имеет значимых различий.

Обсуждение результатов

Гипотеза, согласно которой только типичная невинная жертва противоречит образу справедливого мира, а значит, и у женщин, и у мужчин-респондентов атрибуция вины жене-жертве как типичной жертвы прямо связана с показателями ВСМ, а атрибуция вины мужу-жертве как нетипичной жертвы не связана с ВСМ, подтвердилась частично.

В подвыборке женщин вина жены-жертвы тем выше, чем выше уверенность в существовании правил, нарушение которых наказуемо, что определяет связь атрибуции вины жертве с ОС, и тем выше, чем выше ощущение возможности самому влиять на происходящее, что определяет прямую связь с ЛС. Таким образом, супружеское насилие воспринимается женщинами как справедливое возмездие за допущенные ошибки и, по сути, оправдывается. Прямая связь атрибуции вины жене-жертве с ВСМ у женщин соответствует теории компенсаторного контроля, согласно которой люди, оказавшиеся в позиции жертвы или идентифицирующие себя с жертвой, могут восстанавливать ощущение контроля реальности, обвиняя себя или жертву в том, что нечто произошло из-за их собственного неправильного поведения, и таким образом восстанавливать иллюзию влияния на происходящее [43; 45]. Согласно данным Р. Янов-Бульман [37; 38], для человека, оказавшегося в позиции жертвы, обвинение себя дает возможность сохранять высокую самооценку [37], и можно предположить, что, обвиняя жену, женщины стараются «сохранить лицо».

Но, вопреки теоретическому прогнозу, у мужчин связь атрибуции вины жене-жертве с показателями ВСМ обратная, для них чем выше уверенность в справедливости и предсказуемости мира, тем ниже вина и жены-жертвы, и агрессора-мужа. У мужчин нет, как у женщин, необходимости в компенсаторном контроле, так как они не предполагают оказаться на месте жертвы. Одновременно можно предположить, что мужчинами ситуация агрессии мужа по отношению к жене не воспринимается как угрожающая их образу справедливого мира, и они не нуждаются в оправдании агрессии виной жертвы. Одновременно чем выше ощущение справедливости мира, тем ниже для мужчин и вина мужа-агрессора. Можно предположить, что в соответствии с групповым фаворитизмом похожий агрессор не может быть виноват. Возможно также, что мужчины рассматривают ситуацию агрессии мужа по отношению к жене как слабо поддающуюся контролю и потому снимают с него вину за происшедшее.

Различия в характере связи атрибуции вины агрессору и жертве у мужчин и женщин могут быть объяснены с позиций теории обоснования систем Дж. Джоста, в соответствии с которой [39; 40; 50] люди испытывают склонность оправдывать и рационализировать сложившееся положение дел, что позволяет примириться с актуальной социальной реальностью [43], эта склонность в большей степени выражена у тех, кто находится в худшем положении, повышая у них терпимость к несправедливости [41; 42]. Одна из функций прямой связи ВСМ с обвинением жертвы заключается в стабилизации существующего положения вещей [32], и, приписывая вину жертве, женщины как бы укрепляют сложившуюся семейную ситуацию. Оправдание

совершенного насилия виной жертвы позволяет рассматривать происшедшее как закономерный результат неправильного поведения жертвы, ситуация в этом случае выглядит как управляемая, насилие — как справедливое, а общее положение вещей — как не нуждающееся в изменении. А отсутствие прямой связи ВСМ с атрибуцией вины жертве у мужчин можно рассматривать как проявление меньшей тенденции к оправданию ситуации типичного супружеского насилия.

Вина нетипичных жертвы и агрессора, как и предполагалась, не имеет связи с ОС и ЛС ни у мужчин, ни у женщин. Вина мужа-жертвы и жены-агрессора не противоречит образу справедливого мира и не вызывает необходимости его восстанавливать и оправдывать агрессию. У респондентов нет сложившегося образа мира, включающего правила поведения, при нарушениях которых физическое насилие жены в отношении мужа будет расценено как справедливое, а ситуация агрессии жены против мужа не воспринимается как сложившаяся система отношений.

Общая гипотеза о том, что гендерный фаворитизм проявляется при оценке персонажей только в типичной ситуации, подтвердилась. Оценивая участников ситуации агрессии мужа против жены, мужчины и женщины приписывают персонажу своего пола меньшую вину, чем персонажу противоположного пола. А при оценке вины мужа-жертвы и жены-агрессора различия в оценках вины персонажей мужчинами и женщинами не значимы. Можно предположить, что, оценивая жену-агрессора и мужа-жертву, респонденты не отождествляют себя с персонажами своего пола, занимающими нетипичные позиции.

Более подробный анализ показал, что женщины приписывают равную вину

мужу и жене в позиции жертв, а мужчины — мужу и жене в позиции агрессора. Атрибуция женщинами равной вины жертвам, независимо от пола жертвы, согласуется с ранее полученными данными [36; 59] о том, что женщины в равной степени сочувствуют и женщинам-, и мужчинам-жертвам, вероятно, отождествляясь с позицией жертвы. Мужчины же, одинаково оценивая вину жены и мужа в позиции агрессора, вероятно, отождествляются с позицией агрессора. А оценка персонажей, занимающих позицию, противоположную типичной для мужчин и женщин, происходит в соответствии с гендерным фаворитизмом, мужчины приписывают мужу-жертве меньшую вину, чем жене-жертве, а женщины приписывают мужу-агрессору большую вину, чем жене-агрессору.

Можно предположить, что при оценке вины участников ситуации семейного насилия респонденты отождествляют себя не только со своей гендерной группой, но, прежде всего, с типичной для своей гендерной группы ролью. В этом случае оценка вины персонажа противоположного пола с типичной для своего пола ролью в конфликте осуществляется на основе идентификации с ролью, что определяет отсутствие значимых различий в оценке агрессоров у мужчин и жертв у женщин. Полученные результаты в целом подтверждают предположение о значимости типичной позиции в конфликте, связанной с традиционными гендерными ролями, согласно которым муж с большей вероятностью воспринимается как типичный агрессор, а жена — как типичная жертва.

Результаты уточняют ранее полученные данные о том, что и мужчины, и женщины приписывают большую вину более сильному агрессору, показывая, что на отечественной выборке этот эффект

выявлен только в подвыборке женщин. Возможно, речь идет о культурных различиях, но необходимо проверить полученные результаты на устойчивость на больших выборках.

Полученные результаты вносят вклад в данные о действиях группового фаворитизма, показывая, что при оценке ситуации супружеского межгендерного насилия он проявляется при атрибуции вины персонажам, занимающим в конфликте позицию, противоположную типичной позиции респондента. При оценке вины персонажей, занимающих позицию, соответствующую типичной для пола позиции в семейном конфликте, различий в атрибуции вины нет.

Ограничения исследования

Исследование носит ориентировочный характер, фокус был сосредоточен на ограниченном количестве возможных переменных. Выборку составили пользователи социальной сети Фейсбук, что позволяет говорить об определенной смещенности выборки. К сожалению, не удалось собрать уравнивающую по возрасту выборку женщин- и мужчин-респондентов, в исследовании не были учтены этнические и культурные характеристики участников, их конфессиональная принадлежность и другие характеристики, которые могут оказывать влияние на отношение к участникам ситуации семейного насилия.

Требуется проверка полученных результатов как на больших по объему выборках, так и на более локализованных. В работе не был учтен возможный вклад субъективной оценки типичности каждой из ситуаций супружеской агрессии и анализ связи выявленных эффектов с оценкой типичности ситуаций. Не был учтен личный опыт столкновения участников с семейным насилием в целом и

супружеским насилием в частности, который, предположительно, мог повлиять как на оценку типичности ситуаций насилия, так и на связь типичности с другими показателями. Не рассматривался вклад ситуативных переменных, таких как различие в состоянии и поведении участников, степень тяжести травмы и пр., что может оказывать влияние на атрибуцию вины. Перспективным представляется и учет гендерной идентичности респондентов как фактора, который может вносить вклад в выраженность гендерного фаворитизма при атрибуции вины персонажам.

Необходимо рассмотреть и вклад как субъективной оценки фактической, связанной с наличием материальных ресурсов, возможности женщин и мужчин прервать отношения, включающие насилие со стороны партнера, в атрибуцию вины жертве разного пола.

Выводы

Полученные эмпирические результаты уточняют представление о связи атрибуции вины жертве с измерениями ВСМ, показывая, что только типичная невиновная жертва супружеского насилия противоречит образу справедливого мира и только у тех, кто может идентифицировать себя с позицией жертвы, в результате только у женщин ЛС и ОС прямо связаны с обвинением жены-жертвы как типичной жертвы. У мужчин связь ОС с атрибуцией вины жене-жертве обратная. При этом вина мужа-жертвы (нетипичной жертвы) не имеет связей с ВСМ ни у женщин, ни у мужчин.

Эмпирические данные подтверждают предположение о различии в особенностях атрибуции вины участникам типичной и нетипичной ситуации

супружеского насилия, показывая, что проявление ингруппового фаворитизма на основании гендера происходит только при возможности отождествления с персонажем на основании типичной для гендера позиции в ситуации супру-

жеского насилия. При отсутствии такой возможности, когда представитель своего гендера занимает нетипичную позицию в супружеском конфликте, групповой фаворитизм при оценке вины персонажа не проявляется.

Литература

1. Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Насилие над женами в российских семьях // Материалы общероссийского исследования, представленные на конференции 15–16 мая 2003 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова и Горбачев-Фонде 2, 2003. Т. 5. С. 33–37.
2. Лысова А.В. Физическое насилие над женами в российских семьях // Социологические исследования. 2008а. № 9. С. 121–128.
3. Лысова А.В. Женская агрессия и насилие в семье // Общественные науки и современность. 2008б. № 3. С. 167–176.
4. Лысова А.В. Доминирование и насилие в супружеских отношениях // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2. С. 113–141.
5. Нартова-Бочавер С.К., Подлитняк М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. С. 1–14.
6. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. № 1 (35). С. 16–32.
7. Тимко С.А., Тимко В.П. Мужчина-жертва семейного насилия: актуальность проблемы в России // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 33–40.
8. Фахретдинова А.Б. Факторы, провоцирующие насилие над женщиной в супружеских взаимоотношениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. С. 123–129.
9. Харламов В.С. Преступное насилие в отношении мужчин в семейной сфере // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. Вып. 11: Социальная работа с мужчинами. СПб., 2017. С. 98–107.
10. Штупнова Т.В. Супружеское насилие в контексте виктимизации женщин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 22 (3). С. 142–158.
11. Allen E., Bradley M.S. Perceptions of harm, criminality, and law enforcement response: comparing violence by men against women and violence by women against men // Victims & Offenders. 2017. Vol. 13 (3). P. 373–389.
12. Ansara D.L., Hindin M.J. Exploring gender differences in the patterns of intimate partner violence in Canada: A latent class approach // Journal of Epidemiology & Community Health, 2010. Vol. 64 (10). P. 849–854.
13. Archer J. Sex differences in physically aggressive acts between heterosexual partners: A meta-analytic review // Aggression and violent behavior, 2002. Vol. 7 (4). P. 313–351.
14. Bal M., van den Bos K. The role of perpetrator similarity in reactions toward innocent victims // European Journal of Social Psychology. 2010. Vol. 40 (6). P. 957–969.
15. Bastounis M., Leiser D., Roland-Lévy C. Psychosocial variables involved in the constructions of lay thinking about the economy: Results of a crossnational survey // Journal of Economic Psychology. 2004. Vol. 25. P. 263–278.
16. Begue L., Bastounis M. Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world // Journal of Personality. 2003. Vol. 71 (3). P. 435–463.

17. *Bègue L., Charmoillaux M., Cochet J., Cury C., De Suremain F.* Altruistic behavior and the bidimensional just world belief // *The American journal of psychology*. 2008. Vol. 121 (1). P. 47–56.
18. *Bryant S.A., Spencer G.A.* University students' attitudes about attributing blame in domestic violence // *Journal of Family Violence*. 2003. Vol. 18 (6). P. 369–376.
19. *Cannon C., Lauwe-Moon K., Buttell F.* Re-theorizing intimate partner violence through post-structural feminism, queer theory, and the sociology of gender // *Social Sciences*. 2015. Vol. 4 (3). P. 668–687.
20. *Cercone J.J., Beach S.R.H., Arias I.* Gender symmetry in dating intimate partner violence: does similar behavior imply similar constructs? // *Violence and victims*. 2005. Vol. 20(2). P. 207–218.
21. *Chan K.L.* Gender symmetry in the self-reporting of intimate partner violence // *Journal of interpersonal violence*. 2012. Vol. 27 (2). P. 263–286.
22. *Choma B., Hafer C., Crosby F., Foster M.* Perceptions of personal sex discrimination: The role of belief in a just world and situational ambiguity // *The Journal of Social Psychology*. 2012. Vol. 52 (5). P. 568–585.
23. *Correia I., Alves H., Morais R., Ramos M.* The legitimization of wife abuse among women: The impact of belief in a just world and gender identification // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 76. P. 7–12.
24. *Correia I., Alves H., Sutton R., Ramos M., Gouveia-Pereira M., Vala J.* When do people derogate or psychologically distance themselves from victims? Belief in a just world and ingroup identification // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 53 (6). P. 747–752.
25. *Dalbert C.* The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // *Social Justice Research*. 1999. Vol. 12. P. 79–98.
26. *Dalbert C., Lipkus I.M., Sallay H., Goch I.* A just and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 30 (4). P. 561–577.
27. *Dobash R.P., Dobash R.E., Wilson M., Daly M.* The myth of sexual symmetry in marital violence // *Social problems*. 1992. Vol. 39 (1). P. 71–91.
28. *Dutton D.G., White K.R.* Male victims of domestic violence // *New male studies: An international journal*. 2013. Vol. 2 (1). P. 5–17.
29. *Feather N.T.* Domestic violence, gender, and perceptions of justice // *Sex Roles*. 1996. Vol. 35 (7–8). P. 507–519.
30. *Furnham A., Procter E.* Belief in a just world: Review and critique of the individual difference literature // *British journal of social psychology*. 1989. Vol. 28 (4). P. 365–384.
31. *Hafer C.L., Rubel A.N.* The why and how of defending belief in a just world // *Advances in experimental social psychology*. Academic Press, 2015. Vol. 51. P. 41–96.
32. *Hafer C.L., Choma B.L.* Belief in a just world, perceived fairness, and justification of the status quo // *Social and psychological bases of ideology and system justification*. 2009. P. 107–125.
33. *Hafer C.L., Sutton R.* Belief in a just world // *Handbook of social justice theory and research*. Springer New York. 2016. P. 145–160.
34. *Hafer C.L., Bègue L.* Experimental research on just-world theory: problems, developments, and future challenges // *Psychological bulletin*. 2005. Vol. 131 (1). P. 128–167.
35. *Hamby S., Jackson A.* Size does matter: The effects of gender on perceptions of dating violence // *Sex Roles*. 2010. Vol. 63 (5–6). P. 324–331.
36. *Harris R.J., Cook C.A.* Attributions about spouse abuse: It matters who the batterers and victims are // *Sex Roles*. 1994. Vol. 30 (7–8). P. 553–565.
37. *Janoff-Bulman R.* Esteem and control bases of blame: “Adaptive” strategies for victims versus observers // *Journal of Personality*. 1982. Vol. 50 (2). P. 180–192.
38. *Janoff-Bulman R., Frieze I.H.* A theoretical perspective for understanding reactions to victimization // *Journal of social issues*. 1983. Vol. 39 (2). P. 1–17.
39. *Jost J., Hunyady O.* The psychology of system justification and the palliative function of ideology // *European review of social psychology*. 2003. Vol. 13 (1). P. 111–153.

40. Jost J.T., Banaji M.R. The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // *British Journal of Social Psychology*. 1994. Vol. 33 (1). P. 1–27.
41. Kay A.C., Gaucher D., Peach J.M., Lawrin K., Friesen J., Zanna M.P., Spencer S.J. Inequality, discrimination, and the power of the status quo: Direct evidence for a motivation to see the way things are as the way they should be // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97 (3). P. 421–434.
42. Kay A.C., Jost J.T., Mandisodza A.N., Sherman S.J., Petrocelli J.V., Johnson A.L. Panglossian ideology in the service of system justification: How complementary stereotypes help us to rationalize inequality // *Advances in experimental social psychology*. 2007. Vol. 39. P. 305–358.
43. Kay A.C., Whitson J.A., Gaucher D., Galinsky A.D. Compensatory control: Achieving order through the mind, our institutions, and the heavens // *Current Directions in Psychological Science*. 2009. Vol. 18 (5). P. 264–268.
44. Kimmel M.S. “Gender symmetry” in domestic violence: A substantive and methodological research review // *Violence against women*. 2002. Vol. 8 (11). P. 1332–1363.
45. Kristiansen C.M., Giulietti R. Perceptions of wife abuse: Effects of gender, attitudes toward women, and just-world beliefs among college students // *Psychology of Women Quarterly*. 1990. Vol. 14 (2). P. 177–189.
46. Langhinrichsen-Rohling J., Shlien-Dellinger R.K., Huss M.T., Kramer V.L. Attributions about perpetrators and victims of interpersonal abuse: Results from an analogue study // *Journal of Interpersonal Violence*. 2004. Vol. 19 (4). P. 484–498.
47. Lerner M.J., Miller D.T. Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. Vol. 85 (5). P. 1030–1051.
48. Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22 (7). P. 666–677.
49. Lipkus I.M., Siegler I.C. The belief in a just world and perceptions of discrimination // *The Journal of Psychology*. 1993. Vol. 127 (4). P. 465–474.
50. Liviatan I., Jost J.T. Special issue: System justification theory: Motivated social cognition in the service of the status quo // *Social Cognition*. 2011. Vol. 29 (3). P. 231–237.
51. Locke L.M., Richman C.L. Attitudes toward domestic violence: Race and gender issues // *Sex Roles*. 1998. Vol. 40 (3–4). P. 227–247.
52. Lowe M., Khan R., Thanzami V., Barzy M., Karmaliani R. Attitudes toward intimate partner “honor” – based violence in India, Iran, Malaysia and Pakistan // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2018. Vol. 10 (4). P. 283–292.
53. Poorman P.B., Seelau E.P., Seelau S.M. Perceptions of domestic abuse in same-sex relationships and implications for criminal justice and mental health responses // *Violence and Victims*. 2003. Vol. 18 (6). P. 659–669.
54. Rhatigan D.L., Stewart C., Moore T.M. Effects of gender and confrontation on attributions of female-perpetrated intimate partner violence // *Sex Roles*. 2011. Vol. 64 (11–12). P. 875–887.
55. Saunders D.G. Are physical assaults by wives and girlfriends a major social problem? A review of the literature // *Violence against women*. 2002. Vol. 8(12). P. 1424–1448.
56. Schuller R.A., Smith V.L., Olson J.M. Jurors’ decisions in trials of battered women who kill: the role of prior beliefs and expert testimony // *Journal of Applied Social Psychology*. 1994. Vol. 24 (4). P. 316–337.
57. Schuller R.A., Smith V.L., Olson J.M. Jurors’ Decisions in Trials of Battered Women Who Kill: The Role of Prior Beliefs and Expert Testimony 1 // *Journal of Applied Social Psychology*. 1994. Vol. 24 (4). P. 316–337.
58. Seelau E.P., Seelau S.M. Gender-role stereotypes and perceptions of heterosexual, gay and lesbian domestic violence // *Journal of family violence*. 2005. Vol. 20 (6). P. 363–371.
59. Seelau E.P., Seelau S.M., Poorman P.B. Gender and role-based perceptions of domestic abuse: Does sexual orientation matter? // *Behavioral Sciences & the Law*. 2003. Vol. 21 (2). P. 199–214.

60. *Shaver K.G.* Defensive attribution: Effects of severity and relevance on the responsibility assigned for an accident // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970. Vol. 14 (2). P. 101–113.
61. *Sorenson S.B., Taylor C.A.* Female aggression toward male intimate partners: An examination of social norms in a community-based sample // *Psychology of Women Quarterly*. 2005. Vol. 29 (1). P. 78–96.
62. *Straus M.A.* Gender symmetry and mutuality in perpetration of clinical-level partner violence: Empirical evidence and implications for prevention and treatment // *Aggression and Violent Behavior*. 2011. Vol. 16 (4). P. 279–288.
63. *Straus M.A., Scott K.* Gender symmetry in partner violence: evidence and implications for prevention and treatment // In J.R. Lutzkerand, D.J. Whitaker (Eds.) *Prevention of Partner Violence*. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2009. P. 245–271.
64. *Sutton R.M., Douglas K.M.* Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self-other distinction in just-world beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2005. Vol. 39 (3). P. 637–645.
65. *Sylaska K.M., Walters A.S.* Testing the Extent of the Gender Trap: College Students' Perceptions of and Reactions to Intimate Partner Violence // *Sex Roles*. 2014. Vol. 70 (3–4). P. 134–145.
66. *Taylor J., Bradbury-Jones C., Krull T., Duncan F.* Health professionals' beliefs about domestic abuse and the issue of disclosure: a critical incident technique study // *Health & Social Care in the Community*. 2013. Vol. 21 (5). P. 489–499.
67. *Taylor S.E., Brown J.D.* Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health // *Psychological Bulletin*. 1988. Vol. 103 (2). P. 193–210.
68. *Valor-Segura I., Expósito F., Moya M.* Victim blaming and exoneration of the perpetrator in domestic violence: The role of beliefs in a just world and ambivalent sexism // *The Spanish Journal of Psychology*. 2011. Vol. 14 (1). P. 195–206.
69. *Walker J., Ashby J., Gredecki N., Tarpey E.* Gender representations of female perpetrators of intimate partner violence // *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2018. Vol. 10 (3). P. 170–180.
70. *Yamawaki N., Ochoa-Shipp M., Pulsipher C., Harlos A., Swindler S.* Perceptions of domestic violence: The effects of domestic violence myths, victim's relationship with her abuser, and the decision to return to her abuser // *Journal of Interpersonal Violence*. 2012. Vol. 27 (16). P. 3195–3212.
71. *Yamawaki N., Ostenson J., Brown C.R.* The functions of gender role traditionality, ambivalent sexism, injury, and frequency of assault on domestic violence perception: A study between Japanese and American college students // *Violence Against Women*. 2009. Vol. 15 (9). P. 1126–1142.
72. *Yamawaki N., Riley C., Gardner N.* The effects of gender-role traditionality and gender of abuser on attitudes toward intimate partner violence and perceived body size of the victim and abuser // *Partner Abuse*. 2018. Vol. 9 (3). P. 230–248.

References

1. Gorshkova I.D., Shurygina I.I. Nasilie nad zhenami v rossiiskikh sem'yakh [Violence against wives in Russian families]. *Materialy obshcherossiiskogo issledovaniya, predstavlenye na konferentsii maya 2003 g. v MGU im. M.V. Lomonosova i Gorbachev-Fonde 2* [Materials of an all-Russian study presented at a conference in May 2003 at Lomonosov Moscow State University and Gorbachev-Fund 2], 2003. Vol. 5, pp. 33–37.
2. Lysova A.V. Fizicheskoe nasilie nad zhenami v rossiiskikh sem'yakh [Physical abuse against wives in Russian families]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2008a, no. 9, pp. 121–128.
3. Lysova A.V. Zhenskaya agressiya i nasilie v sem'e [Female aggression and abuse in violence]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*, 2008b, no. 3, pp. 167–176.
4. Lysova A.V. Dominirovanie i nasilie v supruzheskikh otnosheniyakh [Domination and violence in marital relations]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2014, no. 2, pp. 113–141.

5. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnyak M.B., Khokhlova A.Yu. Vera v spravedlivyi mir i psikhologicheskoe blagopoluchie u glukhikh i slyshashchikh podrostkov i vzroslykh [Belief in a just world and psychological well-being among deaf and hearing teenagers and adults]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and spexual psychology*, 2013, no. 3, pp. 1–14.
6. Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B. Psikhologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoi personologii: teorii i empiricheskie issledovaniya [Psychological problems of justice in foreign personology: theories and empirical studies]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2014, no. 1 (35), pp. 16–32.
7. Timko S.A., Timko V.P. Muzhchina-zhertva semeinogo nasiliya: aktual'nost' problemy v Rossii [A male man is a victim of domestic violence: the relevance of the problem in Russia]. *Viktimologiya = Victimology*, 2016, no. 3 (9), pp. 33–40.
8. Fakhretdinova A.B. Faktory, provotsiruyushchie nasilie nad zhenshchinoi v supruzheskikh vzaimootnosheniyakh [Factors provoking violence against women in marital relationships]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences*, 2008, pp. 123–129.
9. Kharlamov V.S. Prestupnoe nasilie v otnoshenii muzhchin v semeinoi sfere [Domestic violence against men]. *Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei: nauchno-metodicheskii sbornik = Social services for families and children: a scientific and methodological collection*. Vyp. 11: *Sotsial'naya rabota s muzhchinami = Social work with men*, 2017, pp. 98–107.
10. Shipunova T.V. Supruzheskoe nasilie v kontekste viktimizatsii zhenshchin [Spousal violence in the context of women victimization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series 18. Sociology and Political Science*, 2016, no. 22 (3), pp. 142–158.
11. Allen E., Bradley M.S. Perceptions of harm, criminality, and law enforcement response: comparing violence by men against women and violence by women against men. *Victims & Offenders*, 2017. Vol. 13 (3), pp. 373–389.
12. Ansara D.L., Hindin M.J. Exploring gender differences in the patterns of intimate partner violence in Canada: A latent class approach. *Journal of Epidemiology & Community Health*, 2010. Vol. 64 (10), pp. 849–854.
13. Archer J. Sex differences in physically aggressive acts between heterosexual partners: A meta-analytic review. *Aggression and violent behavior*, 2002. Vol. 7 (4), pp. 313–351.
14. Bal M., van den Bos K. The role of perpetrator similarity in reactions toward innocent victims. *European Journal of Social Psychology*, 2010. Vol. 40 (6), pp. 957–969.
15. Bastounis M., Leiser D., Roland-Lévy C. Psychosocial variables involved in the constructions of lay thinking about the economy: Results of a crossnational survey. *Journal of Economic Psychology*, 2004. Vol. 25, pp. 263–278.
16. Begue L., Bastounis M. Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world. *Journal of Personality*, 2003. Vol. 71 (3), pp. 435–463.
17. Bègue L., Charmaillaux M., Cochet J., Cury C., De Suremain F. Altruistic behavior and the bidimensional just world belief. *The American journal of psychology*, 2008. Vol. 121 (1), pp. 47–56.
18. Bryant S.A., Spencer G.A. University students' attitudes about attributing blame in domestic violence. *Journal of Family Violence*, 2003. Vol. 18 (6), pp. 369–376.
19. Cannon C., Lauve-Moon K., Buttell F. Re-theorizing intimate partner violence through post-structural feminism, queer theory, and the sociology of gender. *Social Sciences*, 2015. Vol. 4 (3), pp. 668–687.
20. Cercone J.J., Beach S.R.H., Arias I. Gender symmetry in dating intimate partner violence: does similar behavior imply similar constructs? *Violence and victims*, 2005. Vol. 20 (2), pp. 207–218.
21. Chan K.L. Gender symmetry in the self-reporting of intimate partner violence. *Journal of interpersonal violence*, 2012. Vol. 27(2), pp. 263–286.

22. Choma B., Hafer C., Crosby F., Foster M. Perceptions of personal sex discrimination: The role of belief in a just world and situational ambiguity. *The Journal of Social Psychology*, 2012. Vol. 152 (5), pp. 568–585.
23. Correia I., Alves H., Morais R., Ramos M. The legitimization of wife abuse among women: The impact of belief in a just world and gender identification. *Personality and Individual Differences*, 2015. Vol. 76, pp. 7–12.
24. Correia I., Alves H., Sutton R., Ramos M., Gouveia-Pereira M., Vala J. When do people derogate or psychologically distance themselves from victims? Belief in a just world and ingroup identification. *Personality and Individual Differences*, 2012. Vol. 53 (6), pp. 747–752.
25. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*, 1999. Vol. 12, pp. 79–98.
26. Dalbert C., Lipkus I.M., Sallay H., Goch I. A just and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs. *Personality and Individual Differences*, 2001. Vol. 30 (4), pp. 561–577.
27. Dobash R.P., Dobash R.E., Wilson M., Daly M. The myth of sexual symmetry in marital violence. *Social problems*, 1992. Vol. 39 (1), pp. 71–91.
28. Dutton D.G., White K.R. Male victims of domestic violence. *New male studies: An international journal*, 2013. Vol. 2 (1), pp. 5–17.
29. Feather N.T. Domestic violence, gender, and perceptions of justice. *Sex Roles*, 1996. Vol. 35 (7–8), pp. 507–519.
30. Furnham A., Procter E. Belief in a just world: Review and critique of the individual difference literature. *British journal of social psychology*, 1989. Vol. 28 (4), pp. 365–384.
31. Hafer C.L., Rubel A.N. The why and how of defending belief in a just world. *Advances in experimental social psychology*. Academic Press, 2015. Vol. 51, pp. 41–96.
32. Hafer C.L., Choma B.L. Belief in a just world, perceived fairness, and justification of the status quo. *Social and psychological bases of ideology and system justification*, 2009, pp. 107–125.
33. Hafer C.L., Sutton R. Belief in a just world. *Handbook of social justice theory and research*. Springer New York, 2016, pp. 145–160.
34. Hafer C.L., Bègue L. Experimental research on just-world theory: problems, developments, and future challenges. *Psychological bulletin*, 2005. Vol. 131 (1), pp. 128–167.
35. Hamby S., Jackson A. Size does matter: The effects of gender on perceptions of dating violence. *Sex Roles*, 2010. Vol. 63 (5–6), pp. 324–331.
36. Harris R.J., Cook C.A. Attributions about spouse abuse: It matters who the batterers and victims are. *Sex Roles*, 1994. Vol. 30 (7–8), pp. 553–565.
37. Janoff-Bulman R. Esteem and control bases of blame: “Adaptive” strategies for victims versus observers. *Journal of Personality*, 1982. Vol. 50 (2), pp. 180–192.
38. Janoff-Bulman R., Frieze I.H. A theoretical perspective for understanding reactions to victimization. *Journal of social issues*, 1983. Vol. 39 (2), pp. 1–17.
39. Jost J., Hunyady O. The psychology of system justification and the palliative function of ideology. *European review of social psychology*, 2003. Vol. 13 (1), pp. 111–153.
40. Jost J.T., Banaji M.R. The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness. *British Journal of Social Psychology*, 1994. Vol. 33 (1), pp. 1–27.
41. Kay A.C., Gaucher D., Peach J.M., Laurin K., Friesen J., Zanna M.P., Spencer S.J. Inequality, discrimination, and the power of the status quo: Direct evidence for a motivation to see the way things are as the way they should be. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 97 (3), pp. 421–434.
42. Kay A.C., Jost J.T., Mandisodza A.N., Sherman S.J., Petrocelli J.V., Johnson A.L. Panglossian ideology in the service of system justification: How complementary stereotypes help us to rationalize inequality. *Advances in experimental social psychology*, 2007. Vol. 39, pp. 305–358.
43. Kay A.C., Whitson J.A., Gaucher D., Galinsky A.D. Compensatory control: Achieving order through the mind, our institutions, and the heavens. *Current Directions in Psychological Science*, 2009. Vol. 18 (5), pp. 264–268.

44. Kimmel M.S. "Gender symmetry" in domestic violence: A substantive and methodological research review. *Violence against women*, 2002. Vol. 8 (11), pp. 1332–1363.
45. Kristiansen C.M., Giulietti R. Perceptions of wife abuse: Effects of gender, attitudes toward women, and just-world beliefs among college students. *Psychology of Women Quarterly*. 1990. Vol. 14 (2), pp. 177–189.
46. Langhinrichsen-Rohling J., Shlien-Dellinger R.K., Huss M.T., Kramer V.L. Attributions about perpetrators and victims of interpersonal abuse: Results from an analogue study. *Journal of Interpersonal Violence*, 2004. Vol. 19 (4), pp. 484–498.
47. Lerner M.J., Miller D.T. Just world research and the attribution process: Looking back and ahead. *Psychological Bulletin*, 1978. Vol. 85 (5), pp. 1030–1051.
48. Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1996. Vol. 22 (7), pp. 666–677.
49. Lipkus I.M., Siegler I.C. The belief in a just world and perceptions of discrimination. *The Journal of Psychology*, 1993. Vol. 127 (4), pp. 465–474.
50. Liviatan I., Jost J.T. Special issue: System justification theory: Motivated social cognition in the service of the status quo. *Social Cognition*, 2011. Vol. 29 (3), pp. 231–237.
51. Locke L.M., Richman C.L. Attitudes toward domestic violence: Race and gender issues. *Sex Roles*, 1998. Vol. 40 (3–4), pp. 227–247.
52. Lowe M., Khan R., Thanzami V., Barzy M., Karmaliani R. Attitudes toward intimate partner "honor" – based violence in India, Iran, Malaysia and Pakistan. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, 2018. Vol. 10 (4), pp. 283–292.
53. Poorman P.B., Seelau E.P., Seelau S.M. Perceptions of domestic abuse in same-sex relationships and implications for criminal justice and mental health responses. *Violence and Victims*. 2003. Vol. 18 (6), pp. 659–669.
54. Rhatigan D.L., Stewart C., Moore T.M. Effects of gender and confrontation on attributions of female-perpetrated intimate partner violence. *Sex Roles*, 2011. Vol. 64 (11–12), pp. 875–887.
55. Saunders D.G. Are physical assaults by wives and girlfriends a major social problem? A review of the literature. *Violence against women*, 2002. Vol. 8 (12), pp. 1424–1448.
56. Schuller R.A., Smith V.L., Olson J.M. Jurors' decisions in trials of battered women who kill: the role of prior beliefs and expert testimony. *Journal of Applied Social Psychology*, 1994. Vol. 24 (4), pp. 316–337.
57. Schuller R.A., Smith V.L., Olson J.M. Jurors' Decisions in Trials of Battered Women Who Kill: The Role of Prior Beliefs and Expert Testimony 1. *Journal of Applied Social Psychology*, 1994. Vol. 24 (4), pp. 316–337.
58. Seelau E.P., Seelau S.M. Gender-role stereotypes and perceptions of heterosexual, gay and lesbian domestic violence. *Journal of family violence*, 2005. Vol. 20 (6), pp. 363–371.
59. Seelau E.P., Seelau S.M., Poorman P.B. Gender and role-based perceptions of domestic abuse: Does sexual orientation matter? *Behavioral Sciences & the Law*, 2003. Vol. 21 (2), pp. 199–214.
60. Shaver K.G. Defensive attribution: Effects of severity and relevance on the responsibility assigned for an accident. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1970. Vol. 14 (2), pp. 101–113.
61. Sorenson S.B., Taylor C.A. Female aggression toward male intimate partners: An examination of social norms in a community-based sample. *Psychology of Women Quarterly*, 2005. Vol. 29 (1), pp. 78–96.
62. Straus M.A. Gender symmetry and mutuality in perpetration of clinical-level partner violence: Empirical evidence and implications for prevention and treatment. *Aggression and Violent Behavior*, 2011. Vol. 16 (4), pp. 279–288.
63. Straus M.A., Scott K. Gender symmetry in partner violence: evidence and implications for prevention and treatment. In J.R. Lutzkerand, D.J. Whitaker (Eds.) *Prevention of Partner Violence*. Washington D.C.: American Psychological Association, 2009, pp. 245–271.

64. Sutton R.M., Douglas K.M. Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self-other distinction in just-world beliefs. *Personality and Individual Differences*, 2005. Vol. 39 (3), pp. 637–645.
65. Sylaska K.M., Walters A.S. Testing the Extent of the Gender Trap: College Students' Perceptions of and Reactions to Intimate Partner Violence. *Sex Roles*, 2014. Vol. 70 (3–4), pp. 134–145.
66. Taylor J., Bradbury-Jones C., Kroll T., Duncan F. Health professionals' beliefs about domestic abuse and the issue of disclosure: a critical incident technique study. *Health & Social Care in the Community*, 2013. Vol. 21 (5), pp. 489–499.
67. Taylor S.E., Brown J.D. Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin*, 1988. Vol. 103 (2), pp. 193–210.
68. Valor-Segura I., Expósito F., Moya M. Victim blaming and exoneration of the perpetrator in domestic violence: The role of beliefs in a just world and ambivalent sexism. *The Spanish Journal of Psychology*, 2011. Vol. 14 (1), pp. 195–206.
69. Walker J., Ashby J., Gredecki N., Tarpey E. Gender representations of female perpetrators of intimate partner violence. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, 2018. Vol. 10 (3), pp. 170–180.
70. Yamawaki N., Ochoa-Shipp M., Pulsipher C., Harlos A., Swindler S. Perceptions of domestic violence: The effects of domestic violence myths, victim's relationship with her abuser, and the decision to return to her abuser. *Journal of Interpersonal Violence*, 2012. Vol. 27 (16), pp. 3195–3212.
71. Yamawaki N., Ostenson J., Brown C.R. The functions of gender role traditionality, ambivalent sexism, injury, and frequency of assault on domestic violence perception: A study between Japanese and American college students. *Violence Against Women*, 2009. Vol. 15 (9), pp. 1126–1142.
72. Yamawaki N., Riley C., Gardner N. The effects of gender-role traditionality and gender of abuser on attitudes toward intimate partner violence and perceived body size of the victim and abuser. *Partner Abuse*, 2018. Vol. 9 (3), pp. 230–248.

Информация об авторах

Улыбина Елена Викторовна, доктор психологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Аббасова Сара Эльчин кызы, аспирант, кафедра общей психологии, факультет психологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1252-9986>, e-mail: sara.abbasova09@gmail.com

Information about the authors

Elena V. Ulybina, Doctor of Psychology, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5398-9006>, e-mail: evulbn@gmail.com

Sara E. Abbasova, PhD Student, Chair of Psychology, Department of General Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1252-9986>, e-mail: sara.abbasova09@gmail.com

Получена 31.08.2019

Принята в печать 03.07.2020

Received 31.08.2019

Accepted 03.07.2020